

ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВАНИЯ КАРЫМСКОГО ЭТАПА ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ¹

В.А. Борзунов*, Ю.П. Чемякин**

Представлена общая и индивидуальная характеристика предметов, относящихся к карымскому этапу (культуре) таежного Приобья. Установлено различие вещевого комплекса северных и южных карымских территорий. Специфика карымских материалов южно-таежной зоны была обусловлена влиянием на переселенцев с севера культуры местного лесостепного населения. Анализ металлических предметов, импортных стеклянных бус и результаты радиоуглеродных тестов позволили уточнить дату карымского этапа: рубеж III/IV — начало VI в. н.э.

Западная Сибирь, тайга, раннее средневековье, карымский этап, орудия, оружие, украшения.

Орудия, оружие, украшения

Введение. До последнего времени предметный комплекс основных территорий распространения карымского культурного образования (средняя и северная тайга) не был четко определен. Широкий хронологический диапазон и в основном поздние даты имеют опубликованные В.Н. Чернецовым «поделки из бронзы», найденные в разных местах таежного Приобья и бассейне Таза, которые «...типологически могут быть отнесены ко времени карымского этапа» [1957, с. 180–185]. Между тем, за исключением четырех плоских культовых отливок зооорнитоморфных существ с личинами и без них, изображенных анфас [Там же, табл. XVIII, 9–11, 13], аналогичных позднекулайским, все остальные предметы [Там же, табл. VII, 4–12; XVIII, 1–8, 12] являются более поздними: по версии В.А. Могильникова — оронтурскими (VI–IX вв.) [1987, с. 202, 205, 333, табл. LXXXV, 3–5, 7], согласно периодизации уральских археологов — кучиминскими, вожпайскими, кинтусовскими и ранними сайгатинскими, датирующимися в интервале VIII–XIII вв. [Зыков и др., 1994, с. 138–143, № 111, 117–119, 125, 127–130, 134, 137, 138, 154, 155; Чемякин, Карачаров, 2002, рис. 16, 6; 17, 10, 12; 18, 3, 4, 9; 19, 13, 14].

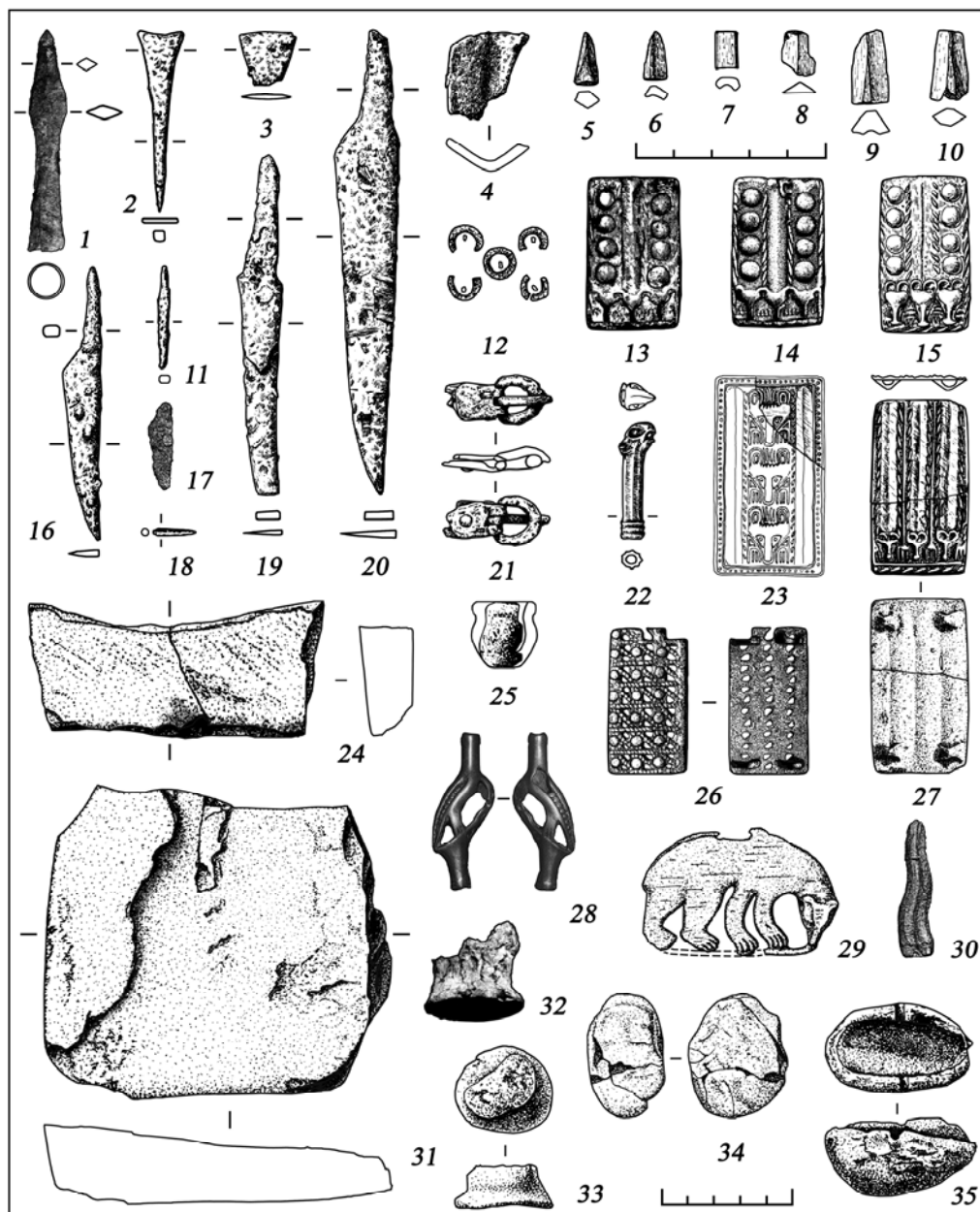
При характеристике карымского этапа Н.В. Федоровой, А.П. Зыковым и их коллегами долгое время использовался своеобразный и вариабельный комплекс изделий из Холмогорского «клада» [Федорова и др., 1991, с. 130–133, рис. 2А, 11–14; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 43, рис. 14, 3–7; Зыков, Федорова, 2001, с. 28–29, 145, рис. 3, 4]. Сейчас памятник датируется III–V вв. или концом III — началом IV в., а формирование коллекции его вещей относится к III в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 53, 63, 145]. Это хронологически соответствует финалу кулайской культурно-исторической общности и/или переходному периоду между ранним и поздним железным веком в приобской тайге.

Получается, что характеризовать вещевой карымский комплекс северных и центральных территорий таежного Приобья по хорошо известным публикациям практически нечем. Это показала и последняя обобщающая работа по средневековым древностям Югры, включающая описание карымского этапа [Зыков, 2006, с. 113–114].

Что же касается своеобразных материалов южно-таежных курганных могильников, использованных В.Н. Чернецовым и омскими исследователями для характеристики карымских древностей, то их следует рассмотреть обособленно от карымских находок центральных и северных территорий.

Центральные и северные территории карымского ареала. На карымских городищах Барсовой Горы (Барсов городок II/6, 7, 9, 10), расположенных в средней тайге, наряду с керамикой, найдены кусочки глиняных рюмковидных тиглей (рис. 1, 32), оригинальная бронзовая культовая отливка с изображением двух змей (рис. 1, 30), представленная обломком и целая прямоугольные поясные накладки из бронзового листа с отверстиями, часть железного ножа (рис. 1, 17), а также фрагменты неопределимых металлических предметов [Чемякин, Зыков, 2004, с. 40–43, 184]. Подобные барсовогорским литые и вырезанные из жести вытянутые прямоугольные накладки, крепившиеся штифтами к кожаным поясам, датируются в пределах III–VI вв. [Зыков, 2012, с. 60].

¹ Продолжение статей: [Борзунов, Чемякин, 2013а, б; 2014, 2015]. Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ, НИР № 1913, тема 008 «Археологические феномены Урала и Западной Сибири».

Рис. 1. Вещевой комплекс карымских памятников Сургутского Приобья:

1–4, 11, 12, 16–21 — железо; 5–10 — кость; 13–15, 22, 23, 26–30 — медь, бронза; 24, 31 — камень; 25, 32, 33–35 — глина; 1, 23, 28, 29 — селище Сартым-урий; 16; 2–4, 11, 12, 16, 18–21 — селище Сартым-урий; 17; 5–10, 22, 24–27, 31, 33–35 — городище Сартым-урий; 18; 13, 14 — могильник Чагорово IV; 15 — оз. Чагыр (Чагорово?); 17, 30, 32 — гор. Барсов городок II/10 (1–12, 16–29, 31, 33–35 — по Ю.П. Чемякину; 13, 14 — по М.Ю. Баранову; 15 — по В.Н. Чернецову; 17, 30, 32 — по Г.А. Степановой).

При раскопках разрушенного городища Горное II в черте г. Ханты-Мансийска обнаружены обломок глиняного тигля и фрагмент кости с отверстием — часть какого-то изделия [Зайцева, 2007, с. 183]. В карымских погребениях Сайгатинского VI могильника, кроме черепков и одного небольшого целого сосуда, лежали только железные ножи, их обломки, сильно корродированные изделия из железа, назначение которых неизвестно, в некоторых могилах — точильные камни [Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42–43, рис. 14, 8; Карачаров, Носкова, 2007; Сургутский краеведческий музей..., 2011, с. 55, 122, 146, № 106].

Предметный комплекс и проблема датирования карымского этапа таежного Приобья

Принимая во внимание вышесказанное, исключительно важными в плане характеристики карымского вещевого комплекса Сургутского Приобья и всего карымского этапа обь-иртышской культурно-исторической общности считаем раскопки группы археологических памятников на протоке Сартым-урий. За последнее десятилетие в карымских жилых, хозяйственных и производственных постройках селищ Сартым-урий 16, 17 и городища Сартым-урий 18 найдены многочисленные и разнообразные предметы и металлургические остатки, бесспорно относящиеся к карымскому комплексу. Это железные однолезвийные черешковые ножи и их обломки, наконечники стрел (один втульчатый с узким асимметрическим подромбическим пером и серия плоских, типа срезней с прямым, слегка закругленным или вогнутым острием), шилья, иглы, крючки, плоские кольчужные кольца, обломок топора-кельта, пряжка от ремня, железные шлаки и крицы, изделия из бронзы (прямоугольная бляха-накладка с горизонтальным изображением трех медведей в жертвенной позе, обломок бляхи с вертикальным расположением голов медведей, плоская прорезная бляха с профильным изображением медведя, прямоугольная ажурная бляха-накладка с геометрическим, шнуровым и жемчужным орнаментом, полое навершие с орнитоморфным венцом, пронизка с изображением орла, клюющего голову млекопитающего, бусина, обломки мелких пластинок и др.), костяные наконечники стрел ромбического и треугольного сечения, каменные наковаленки и шлифовальники, абразивы из бульжников, большая гранитная наковальня, обломки глиняных рюмковидных тиглей для переплавки цветного металла, а также льячек для его разлива (рис. 1, 1–12, 16, 18, 19, 31, 33–35).

Четыре близкие сартым-урьинским бронзовые бляхи-накладки с тремя горизонтальными изображениями медведей в жертвенной позе обнаружены в бассейне той же реки, на берегу оз. Чагыр (Чагорово?) и в могильнике Чагорово IV (рис. 1, 13–15). Согласно одной из версий, бронзовые бляхи с изображениями медведей являлись нагрудными и нашивались на костюм воина. Впрочем, они могли украшать и их кожаные пояса. Напомним, что в Приуралье, на юге Западной Сибири и других территориях бронзовые пластины с иным декором нашивались не только на мужские, но и на парадные женские пояса.

Железные наконечники-срезни, подобные карымским с селища Сартым-урий 16 (рис. 1, 2, 3), широко встречаются в средневековых памятниках Западной Сибири с конца VI до XVI в. [Могильников, 1987, табл. LXXIII, 5, 6; Зыков, Кокшаров, 2001, с. 70, рис. 33, 5; 34, 6, 17; Зыков, А–2008, с. 183]². Наиболее ранние известные нам срезни найдены на кулайском (усть-полуйском) городище Няксимволь в Нижнем Приобье³, а близкие им «двурогие» экземпляры — в саргатских погребениях Гаевского могильника в лесостепном Притоболье [Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 49, рис. 4, 9; 20, 6].

Трехсоставная железная пряжка с кольцом из граненого прута, подвижным язычком и прямоугольным щитком-обоймой, найденная на селище Сартым-урий 17 (рис. 1, 21), имеет широкие аналогии, в том числе в верхнеобских и прикамских материалах, где подобные изделия датируются концом IV — VI в. н.э. [Генинг, 1962, с. 77, рис. 31, 2; Амброз, 1971, с. 107, 112, рис. 9, 38; Троицкая, Новиков, 1998, с. 49, рис. 25, 12, 17]. В Нарымском Приобье такая же пряжка (вместе с В-образной бронзовой) происходит из насыпи кургана 7 могильника Релка конца VI — начала VIII в. [Чиндина, 1977, с. 36, рис. 23, 1]. Сходная, но бронзовая, пряжка имеется в материалах могильника Усть-Тара VII в Среднем Прииртышье [Скандаков, Данченко, 1999, с. 166, рис. 14, 2]. Близкое изделие найдено в Козловском могильнике [Матвеева, 2008, рис. 2, 6]. В ломоватовской культуре V–IX вв. Верхнего Прикамья аналогичные по форме и конструкции, но также бронзовые, пряжки (отдел А, тип 3, подтип д) использовались в качестве украшений пояса и частей конской сбруи [Голдина, 1985, с. 37–38, табл. VI, 2].

Железный броневой наконечник стрелы с узким асимметрично-ромбовидным пером и конической втулкой из селища Сартым-урий 16 (рис. 1, 1) сходен с изделиями ломоватовской культуры (группа 1, отдел А, тип 2) [Там же, с. 55–56, табл. XXVI, 2–5]. Однако больше он похож на уменьшенную копию поздних кулайских железных наконечников копий первой группы — с узким пером ромбического либо линзовидного сечения и конусовидной (раструбом) втулкой, не сомкнутой у основания. Последние найдены на Парабельском [Чиндина, 1984, с. 66–67, рис. 32, 1, 2] и Ишимском [Ермолаев, 1914, табл. I, 5, 10] культовых местах, а также в составе Елыкаев-

² Ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора перед годом написания работы.

³ Коллекция городища Няксимволь, хранящаяся в Свердловском областном краеведческом музее (г. Екатеринбург). Мы благодарны А.П. Зыкову и С.Н. Паниной за предоставленную информацию.

ского [Могильников, 1968, с. 263, рис. 1, 10–14] и Холмогорского [Зыков и др., 1994, с. 105, 149, № 235; Зыков, Федорова, 2001, с. 121, № 58; Чемякин, Карачаров, 2002, рис. 14, 9] «кладов». Л.А. Чиндина отмечала, что к IV в. н.э. такие изделия становятся единственными копьями в Среднем Приобье [1984, с. 68]. В то же время в составе Холмогорского «клада» найдено подобное копьё, но с ланцетовидным пером, датированное II–VI вв. [Зыков, Федорова, 2001, с. 120–121, № 57].

Следует также выделить плоские железные кольчужные кольца, обнаруженные на селищах Сартым-урий 16 [Фефилова, Чемякин, 2008, ил. 3, 4, 5; 2009, с. 243, ил. 14, 17–19] и 17 (рис. 1, 12). Они являются первым *документальным* свидетельством появления железных кольчуг в центре приобской тайги как минимум уже в карымский период.

Аналоги прямоугольной бронзовой бляхе с горизонтальным изображением трех голов медведей и ложновитым (шнуровым) орнаментом с городища Сартым-урий 18 (рис. 1, 27) происходят из д. Зародята, Верх-Саинского могильника⁴ (Пермская обл.) [Оборин, Чагин, 1988, с. 161, № 28], а также из погребения XX потчевашского могильника Окунево III в Омском Прииртышье [Могильников, Конигов, 1983, рис. 9, 17]. Близкие бляхи, но с умбонами на крайних вертикальных полосах, найдены в могильнике на оз. Чагорово (Чагыр?) (рис. 1, 13–15) [Чернецов, 1953, табл. III, 8; Баранов, А–2006, рис. 54]. Всего же сегодня известно 39 блях этого типа, датирующихся в интервале IV–VII вв., и еще не менее 49 — с подобным сюжетом, но разным количеством медвежьих голов, по-разному расположенных и имеющих более широкие хронологические рамки (I в. до н.э. — IX в.). Они найдены на поселениях с керамикой кулайского и карымского типов, а также на памятниках кашинской, потчевашской, релкинской, верхнеобской и других культур раннего средневековья Западной Сибири, Урала и Приуралья [Чернецов, Мошинская, 1954, вклейка между с. 184 и 185; Чернецов, 1957, табл. III, 8; IV, 2; Оборин, 1976, с. 186, 187, № 29, а, 30; Могильников, Конигов, 1983, рис. 9, 14; Могильников, 1987, табл. LXXI, 20, 24; LXXVIII, 61; LXXXII, 35; ХСVIII, 33; С, 51; Чемякин, 2003а, с. 72, ил. 14, 4; 2003б, с. 226; 2013; Матвеева, 1994, рис. 69, 4, 7–10; Троицкая, 2000; Ширин, Яковлев, 2010, с. 51, ил. 66, 74; и др.]. В материалах перечисленных выше культур имеются и сходные с карымскими (рис. 1, 23) прямоугольные бляхи с вертикальным расположением голов медведей [Чемякин, 2003б, с. 226; рис. 1, 11–13; Оборин, 1976, с. 186, 187, № 27, 30; Чиндина, 1977, рис. 5, 13; 23, 9; 24, 13; 35, 1, 2, 4, 24; 44, 5; Могильников, Конигов, 1983, рис. 9, 14; Могильников, 1987, табл. LXXVIII, 52, 53; ХСVIII, 25, 31, 32, 34, 36; С, 51; С1, 45; Голдина, Водолаго, 1990, табл. XVI, 33; Фролов, 2008, рис. 149, 10, 12–14, 17; и др.], датирующиеся началом средневековья. На двух памятниках (Верх-Саинский и Окуневский III могильники) встречены разные типы блях, причем в Окунево III они лежали в одной могиле. Этот памятник определен концом VI — VII в. [Могильников, Конигов, 1983]. Так же датируется Верх-Саинский могильник [Голдина, Водолаго, 1990].

Прямоугольная ажурная накладка с геометрическим орнаментом, как и «медвежь» бляхи, тоже имела 4 ушка на обороте (рис. 1, 26). Похожие, но не ажурные изделия с геометрическим узором обнаружены в могильнике Усть-Тара VII (рис. 2, 2) и погребениях верхнеобской культуры [Скандаков, Данченко, 1999, с. 165, рис. 13, 2; Троицкая, Новиков, 1998, с. 30, рис. 17, 52–54], а также при грабительских раскопках памятников в Сургутском Приобье.

Бляха с селища Сартым-урий 16 изображает медведя в профиль, с опущенной и повернутой в фас головой (рис. 1, 29). От морды зверя к лапам идет узкая полоска-подставка, на которой стоит зверь. На обороте предмета, в самом верху, имеются два недолитых ушка. Профильные изображения медведей распространены от Приуралья до Верхнего Приобья. По классификации Н.В. Федоровой они относятся к типу ИТ-1 с двумя иконографическими вариантами: ИВ-1 и ИВ-2 [Федорова, 2000]. В варианте 2 мы бы выделили подварианты — фигура медведя с головой, изображенной в профиль и повернутой в фас. Фигуры, стоящие на основании, видимо, появляются в раннем средневековье, что связано с изменениями в технологии литья [Федорова, 2000, с. 40, табл.; Троицкая, Дураков, 1995, с. 29, 31]. Известны три профильные фигурки медведей, стоящие на подставке, с головой, повернутой в фас. Они происходят с памятников потчевашской [Адамов, 2000, рис. 20, 4] и релкинской [Чиндина, 1977, рис. 5, 13; 1991, рис. 21, 10; Чемякин, Фефилова, 2007б, рис. 2] культур.

Бронзовое навершие имеет девятигранную втулку, заканчивающуюся орнитоморфной головкой с крючковатым клювом и «ушами» из перьев на затылке (рис. 1, 22). Близкие, но более

⁴ Раскопки Н.В. Водолаго 1987 г.

Предметный комплекс и проблема датирования карымского этапа таежного Приобья

крупные навершия, завершающиеся головами оленей и лосей, найденные в окрестностях Сургута, на Конде и в Ямало-Ненецком округе, датированы в пределах VIII–XI вв. [Карачаров, 1993; Зыков и др., 1994; Зыков, 2006; Сокровища Приобья..., 1996, с. 55]. Приуральские навершия определяют более ранним временем — VII–VIII вв. [Оборин, Чагин, 1988, с. 89]. Впрочем, изделия, входящие в Подчеремский клад, датируют даже V–VI или IV вв. [Голдина, 1985, с. 116; Гордцов, 1937].

Бронзовая полая пронизка в форме клюющего орла, прижатые крылья которого украшены пояском мелких жемчужин, а также с выступающими с обеих сторон фигуры гладкими трубицами, найденная на селище Сартым-урий 16 (рис. 1, 28), производит впечатление позднего предмета. Тем не менее не исключено, что она относится к концу карымского периода (начало VI в.). Дело в том, что многочисленные близкие и аналогичные ей предметы с памятников Приуралья и Западной Сибири датируются в пределах V–IX вв.⁵, а вожпайский слой этого памятника принадлежит уже ко второй половине IX — X в. [Зыков, 2006, с. 118–119; Карачаров, 2006, с. 146; Фефилова, Чемякин, 2009, с. 245].

Из последних материалов, найденных авторами в 2012 г. при раскопках карымского жилища 3 селища Сартым-урий 16, необходимо выделить два абразивных бруска, по-видимому, для заточки металлических изделий. Первый — небольшой (87×29–33×28–33 мм), уплощенный, прямоугольного плана и сечения, с закругленными гранями, изготовлен из мягкой темно-зеленой породы. Второй — длинный, прямоугольный, подквадратного профиля (168×16–17×12–13 мм), со сквозным отверстием у одного из концов — для подвешивания к поясу; сырье — бело-сероватая зернистая порода. Среди белоярских и кулайских материалов таких изделий нет, хотя известны короткие прямоугольные оселки из галек, в том числе со сквозными отверстиями. Карымские же абразивы имели вид обычных камней с пришлифованными поверхностями. Вещи с селища Сартым-урий 16 производят впечатление импортных. В частности, второму изделию известны многочисленные аналоги в скифо-сарматском инвентаре.

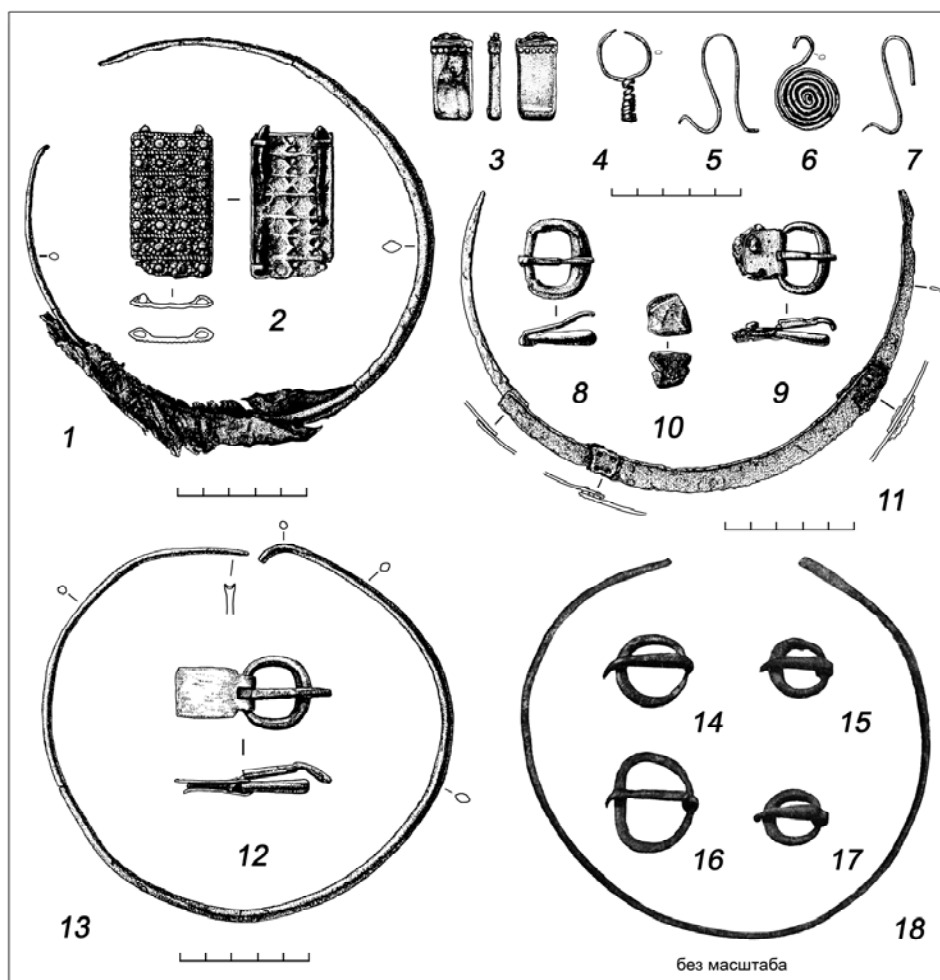
Уникальные предметы собраны на размываемой береговой отмели на оз. Чагорово, недалеко от разъезда Кинтус. Кроме уже упомянувшихся блях с изображениями голов медведей в «ритуальной позе» здесь найдены обломки карымских сосудов, фрагменты североиранских бронзовых чаш, браслетов из медного листа в один оборот и медной шейной гривны, а также медные пряжки, нашивки, слитки меди, лезвие железного ножа. Памятник, получивший условное название «могильник Чагорово IV», датирован автором исследований II–VI вв. [Баранов, А–2006].

Южные территории карымского ареала. Материалы с памятников южно-таежного Приобья, характеризующие карымское и смешанное население с карымским элементом, в целом более многочисленны и разнообразны (рис. 2), и это несмотря на относительно небольшое количество исследованных здесь объектов карымского времени.

В погребениях Козловского могильника В.Н. Чернецовым найдены железные ножи, медные пряжки с округлыми рамками и длинными изогнутыми язычками, а также медная гривна из прута круглого сечения с несомкнутыми концами, на которых имелись отверстия для шнура или металлической скрепки (рис. 2, 14–18) [1957, с. 162, 164–166, табл. XI]. Среди своих находок Н.П. Матвеева выделяет изделия из бронзы (пинцет с расширяющимися щипчиками, поясные пряжки, скобки для крепления устья деревянного сосуда) и стекла (мелкие бусы синего, бледно-зеленого и красного цвета) [2008, с. 156–157, рис. 2]. Аналогичный пинцет с Верхнеутчанского городища в Прикамье Р.Д. Голдиной датирован VI–IX вв. [1999, рис. 134, 9]. По данным В.Б. Ковалевской, маленькие круглорамчатые бесщитковые пряжки с подвижным язычком присутствуют в поясных наборах кочевников Евразии III–V вв., как исключение — VI–VII вв. [1979, с. 15, табл. 1, 2]. В Прикамье они найдены на памятниках азелинской (III–V вв.) и еманаевской (VI–IX вв.) культур [Голдина, 1999]. Круглорамчатая пряжка с подвижным язычком и согнутым пополам прямоугольным щитком имеет широкие аналогии в погребальном инвентаре могильников евразийских степей III–V, реже — V–VI вв. [Ковалевская, 1979, с. 17]. Она же близка изделию из южно-уральского Бирского могильника IV–VII вв. Импортным стеклянным бусам Козловского могильника, со ссылкой на известные работы Е.М. Алексеевой [1978], Н.А. Мажитова [1968] и Е.В. Голдиной [2002], Н.П. Матвеева находит аналогии в интервале I–VI вв. н.э., но датирует памятник IV–VI вв. н.э. [2008, с. 156–157].

⁵ Этот сюжет подробно рассмотрен нами [Борзунов, Чемякин, 2012], и мы опустим его.

Коллекция вещей из курганного могильника Красноярка IV, помимо карымской посуды, включает бронзовые полые орнитоморфные и зооморфные изображения, плоскую антропоморфную личину, подвески, серьги, гривны, пряжки, пронизки, перстень, чашу из белого металла, железные детали ножен, остатки кожного ремня с металлическими накладками, стеклянные бусы, каменный оселок и пр. [Грачев и др., 2010, с. 240].

Рис. 2. Вещевой комплекс карымских памятников южно-таежной зоны Тоболо-Иртышья: 1 — бронза, кожа; 2–9, 12–18 — медь, бронза; 10 — камень; 11 — бронза, железо: 1–13 — могильник Усть-Тара VII; 14–18 — могильник Козловский (1–13 — по И.Е. Скандакову и Е.М. Данченко; 14–18 — по В.Н. Чернецову).

Инвентарь захоронений могильника Усть-Тара VII содержит обломки сильно коррозированных железных предметов (ножи, наконечник стрелы, шило), хорошо сохранившиеся бронзовые и биметаллическую гривны, бронзовые височные подвески (привески), серьги, пряжки, наконечник ремня, прямоугольную петельчатую пластину с рельефным декором, стеклянные бусы (бисер) (рис. 2, 1–13). Две гривны изготовлены из сужающегося к концам округлого прута с расширенной средней частью ромбического сечения; один конец прута загнут, другой завершается кольцом. Одна гривна была обернута куском кожи, вероятно, оставшимся от ворота одежды (рис. 2, 1). Подобные изделия характерны для приуральских и западно-сибирских культур первой половины I тыс. н.э.; известны они и в материалах релкинских памятников [Чернецов, 1957, с. 164; Генинг, Голдина Р.Д., 1973, с. 72, табл. 2, 23–25; Чиндина, 1991, рис. 32, 38–40]. Третья гривна изготовлена из бронзовых пластин, соединенных железными клепками (рис. 2, 11). Две простейшей формы височные подвески («привески») изготовлены из небольших кусочков согнутой проволоки (рис. 2, 5, 7). Третья — вытянутая коническая трубка с венцом в виде несомкнуто-

Предметный комплекс и проблема датирования карымского этапа таежного Приобья

го кольца — была сконструирована из узкой бронзовой ленты (рис. 2, 4). Аналоги первым подвескам известны в Приуралье, в материалах средневекового Дежневского могильника (кург. 10) [Сунгатов, 1993, рис. 3, 3, 7]. Цельнолитые и проволочные подвески с узкой конической трубицей были широко распространены в Прикамье и на Южном Урале в пьяноборско-гляденовское время [Генинг, 1988, рис. 32, 3; Агеев, 1992, табл. 1, 8–22; Голдина, Водолаго, 1990, табл. LXV, 20, 22; Агеев, 1992, табл. 1, 8–22; Голдина, 1999, рис. 101, 8, 9; 129, 4] и единично — в самом начале средневековья [Голдина, Водолаго, 1990, табл. LXV, 20, 22; LXVI, 6]. Две спиральновитые плоские подвески с загнутым концом напоминают солярные украшения культур эпохи бронзы и раннего железного века степей и лесостепи Евразии (рис. 2, 6). Кроме того, наиболее близкий в территориальном и хронологическом отношении предмет найден в могильнике Релка [Чиндина, 1991, рис. 32, 1; Могильников, 1987, табл. XCVII, 35; XCIX, 66]. Заметим, что в таежных районах изогнутые подвески и спирали могли трактоваться как символы змей. На внешней стороне прямоугольной бляхи изображены крупные «перлы», окантованные более мелкими; они выстроены по четыре в семь рядов, разделенных поясками ложновитого шнура. В петлях, отлитых на обратной стороне пластины, сохранились обрывки кожаных шнурков, крепивших украшение к одежде или кожаному поясу (рис. 2, 2). Ближайшие аналоги бляхе находят в материалах верхнеобской культуры [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 17, 52–54; 25, 43], а также в коллекции селища Сартым-урий 17 (рис. 1, 26). Наконечник ремня — прямоугольной формы со слегка утолщенным концом; его основание оформлено в виде прямого плоского валика, вдоль которого расположены шесть жемчужин (рис. 2, 3). В «пещерке» изделия видны кусочки кожи. Три бронзовые поясные пряжки (в том числе одна без щитка) — овально-рамчатые, с массивной передней частью и изогнутым язычком; две — круглорамчатые, со слегка утолщенной передней частью, изогнутым язычком и прямоугольным щитком (рис. 2, 8, 9, 12). Данные изделия и пряжки Козловского могильника сходны с многочисленными предметами кануна и начала средневековья Восточной Европы и Азии [Амброз, 1971, с. 102, 103, рис. 2; Ковалевская, 1993, с. 108–111, рис. 1; 2; Могильников, 1987, табл. LXIII, 18, 19; XCVII, 47–49, 79]. При этом самые разнообразные бронзовые пряжки — детали кожаных поясов и конской сбруи — на протяжении всего средневековья в массе производились в соседнем Приуралье [Голдина, 1985, рис. 16, 15, 17–19, табл. V–IX; 1999, рис. 117, 6, 8–9; 129, 5; 130, 2–5; Голдина, Водолаго, 1990, с. 78–80, табл. XXIV–XXVIII; LXV, 1–9, 15, 16, 18, 19, 21, 23–27, 29–33; LXVI, 2, 3, 7–16, 18, 19; LXVII].

В целом же среди материалов южно-таежных могильников только небольшую часть изделий можно предварительно отнести к традиционно лесным и собственно карымским, восходящим к кулайским прототипам. В частности, это бронзовые культовые плоские отливки и объемные фигурки, возможно, простейшие образцы железных ножей и шильев. Остальные находки являются предметами импорта (бусы, чаша, детали ножен), а также наследием или местными репликами лесостепных и степных предметов (бронзовые украшения). В частности, по приуральским и степным урало-западносибирским образцам IV–VI вв. н.э. были изготовлены кожаные пояса с бронзовой гарнитурой.

Радиоуглеродные даты

Для определения хронологии карымских памятников большое значение имеют даты, полученные для поселений низовьев Большого Югана. Анализ угля, взятого со дна ямы рядом с жилищем 10 на городище Сартым-урий 18, дал возраст 1785 ± 30 л.н. (Le-7710), что в интервалах калиброванных календарных дат соответствует 130–330 гг. н.э. (при степени вероятности 68,2 %) или 130–340 гг. н.э. (вероятность 95,4 %). Уголь со дна кузны на селище Сартым-урий 17 показал дату 1680 ± 90 л.н. (Le-7713). Калиброванные интервалы составили 240–530 гг. н.э. (68,2 %) и 130–570 гг. н.э. (95,4 %) [Чемякин, Фефилова, 2007, с. 113, 119, 121]. По-видимому, к чуть более позднему времени относится селище Сартым-урий 16, расположенное на окраине данного куста поселений [Фефилова, Чемякин, 2008, с. 185]. В целом, как и следовало ожидать, радиоуглеродные даты дали широкий хронологический интервал и оказались заниженными (II–VI вв. н.э.) по сравнению с датировкой карымских древностей, установленной на основании традиционных методов датирования по металлическому инвентарю и керамике (IV — начало VI или рубеж III/IV — начало VI в. н.э.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Баранов М.Ю. Отчет о НИР: Изыскательские и проектные работы по созданию проектов охранных зон двадцати восьми объектов культурного наследия «Светлое I–V», «Чагорово I–III», «Мамонтово I–IX», «Долгое I–X», «Костор I» на Верхнесалымском месторождении нефти, проведенное в Нефтеюганском районе ХМАО — Югра Тюменской области в 2005 г. Нефтеюганск, 2006 // Архив НПО «Северная археология — 1».

Зыков А.П. Кузнечные изделия Северо-Западной Сибири во II–XVII веках: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008 // Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ (бывшего Кабинета археологии УрГУ). Ф. III. Д. 407.

Литература

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 96 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: ИА АН СССР, 1978. Т. 2. 104 с. (САИ; Вып. Г1-12).

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. С. 96–123.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таежного Приобья: Основные характеристики // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2012. Вып. 10. С. 155–216.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таежного Приобья: История изучения, хронология и территория распространения // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013а. № 1 (20). С. 34–46.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013б. № 2 (21). С. 45–55.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские могильники таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 2 (25). С. 64–70.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымская керамика таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. № 1 (28). С. 56–66.

Генинг В.Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1962. Вып. 2. С. 72–80.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: (Пьяноборская эпоха III в. до н.э. — II в. н.э.). М.: Наука, 1988. 240 с.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1973. Вып. 12. С. 58–121.

Голдина Е.В. О хронологии бус неволинской культуры // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2002. С. 82–103.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: ИрГУ, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 1999. 462 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: ИрГУ, 1990. 176 с.

Городцов В.А. Подчеремский клад // СА. 1937. Вып. II. С. 113–150.

Грачев М.А., Грачева О.Е., Данченко Е.М., Плеханов А.В. Новый карымский могильник в южно-таежном Прииртышье // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 239–240.

Ермолаев А.П. Ишимская коллекция // Описание коллекций Красноярского музея: Отдел археол. Красноярск, 1914. Вып. 1.

Зайцева Е.А. История археологических исследований г. Ханты-Мансийска и некоторые результаты рекогносцировочных работ на поселении Горное II // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Баско, 2007. Вып. 4. С. 178–184.

Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 109–124.

Зыков А.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Лабаури А.Н. Исследования могильника Большая Умытья 28 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 211–229.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 160 с.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Предметный комплекс и проблема датирования карымского этапа таежного Приобья

- Карачаров К.Г.* Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 110–118.
- Карачаров К.Г.* Возпайская археологическая культура // УИВ. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. № 14. С. 135–148.
- Карачаров К., Носкова Л.* Археологические раскопки могильника Сайгатинский VI [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.northarch.ru/exp2007_2.htm.
- Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.: ИА АН СССР, 1979. 88 с. (САИ; Вып. Е1-2).
- Ковалевская В.Б.* Анализ признаков раннесредневековых пряжек для хронологического и историко-культурного сравнения (по материалам Кавказа) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 108–111.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование.* Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. 180 с.
- Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н.э. М.: Наука, 1968. 162 с.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГПУ, 2008. С. 155–158.
- Могильников В.А.* Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. 1968. № 1. С. 263–268.
- Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235. (Археология СССР).
- Могильников В.А., Конилов Б.А.* Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.
- Оборин В.А.* Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1976. 202 с.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.* Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. 184 с.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М.* Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность: Ежегодн. Омск: ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160–186.
- Скровища Приобья* / Ред.: Б. Маршак, М. Крамаровский; Предисл. М. Пиотровского; Вступит. ст. Б. Маршака. СПб: Формика, 1996. 228 с.
- Сунгатов Ф.* Керамика Дежневских курганов // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 201–210.
- Сургутский краеведческий музей: Археологическое собрание: Каталог.* Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. 152 с.
- Троицкая Т.Н.* Культ медведя в Верхнем и Среднем Приобье в I тыс. н.э. // Народы Сибири: История и культура: Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 43–47.
- Троицкая Т.Н., Дураков И.А.* Профильные изображения медведей из Новосибирского Приобья // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск: НГПУ, 1995. С. 26–33.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 136 с.
- Федорова Н.В.* Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири: (Железный век) // Народы Сибири: История и культура: Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 37–42.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П.* Раскопки селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Тюмень; Ханты-Мансийск: Колесо, 2008. Вып. 6. С. 177–186.
- Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П.* Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 229–248.
- Фролов Я.В.* Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
- Чемякин Ю.П.* Городище Сартым-Урий XVIII: Предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2003а. Вып. 1. С. 38–76.
- Чемякин Ю.П.* Образ медведя на прямоугольных бляхах Урала и Западной Сибири // Междунар. (XVI Урал.) археол. совещ. Пермь: ПГУ, 2003б. С. 231–240.
- Чемякин Ю.П., Зыков А.П.* Барсова Гора: Археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.

Чемякин Ю.П., Фефилова Т.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях п. Угут Сургутского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2007а. Вып. 5. С. 111–121.

Чемякин Ю.П., Фефилова Т.Ю. Художественная металлопластика из раскопок селища Сартым-урий 16 // Историческая наука и историческое образование: Опыт взаимодействия. Екатеринбург: УрГПУ, 2007б. С. 231–240.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953. № 35. С. 121–178.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–246.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней прародины угорских народов // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М.: Госкультпросветиздат, 1954. С. 163–192.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: ТГУ, 1977. 193 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: ТГУ, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: ТГУ, 1991. 181 с.

Ширин Ю.В., Яковлев Я.А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 21–62.

**Екатеринбург, Уральский федеральный университет
victor.borzunov@mail.ru*

***Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет
yury-che@yandex.ru*

The article presents a general and individual description of articles, characterizing the Karym stage (culture) of the taiga Low Ob' basin. They determined difference in the object complex from the north and south Karym territories. The specificity of the Karym materials from the south taiga zone was determined by a cultural influence from local forest and steppe population upon migrants from the north. The analysis of metal articles and imported glass beads, as well as the results of radiocarbon tests allowed to specify the dating of the Karym stage: the border of III/IV — early VI c. A.D.

West Siberia, taiga, early Middle Ages, Karym stage, tools, arms, decorations.